

Оригинальная статья / Original article

Инструментализация прошлого в современной политике исторической памяти в Латвии

© М.В. КИРЧАНОВ

Кирчанов Максим Валерьевич, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), maksym_kyrchanoff@hotmail.com. ORCID: 0000-0003-3819-3103

Цель исследования – анализ инструментализации истории как элемента политической культуры, используемого для легитимации элит и консолидации идентичности. Новизна подхода связана с изучением актуального этапа в развитии исторической политики Латвии. Показано, что интеллектуальное сообщество Латвии вносит второстепенный вклад в трансформацию мемориальной культуры, основными же агентами исторической политики стали представители элит, чье утилитарное понимание прошлого стимулирует политически и идеологически мотивированное использование истории, которая интегрирована в пространство политической культуры и националистический дискурс.

Ключевые слова: Латвия, коллективная память, интеллектуалы, инструментализация истории, мемориальная культура, политика, войны памяти

Цитирование: Кирчанов М.В. (2024) Инструментализация прошлого в современной политике исторической памяти в Латвии // Общественные науки и современность. № 5. С. 45–59. DOI: 10.31857/S0869049924050046, EDN: JUTGKS

Instrumentalization of the Past in Modern Policy of Historical Memory in Latvia

© M. KIRCHANOFF

Maksym V. Kirchanoff, Voronezh State University (Voronezh, Russia), maksym_kyrchanoff@hotmail.com.
ORCID: 0000-0003-3819-3103

Abstract. The aim of the study is to analyze the instrumentalization of history as an element of political culture used to legitimize elites and consolidate identity. The novelty of the approach is associated with the study of the current stage in the development of historical policy in Latvia. It is shown that the intellectual community of Latvia makes a secondary contribution to the transformation of memorial culture, while the main agents of historical policy have become representatives of the elites, whose utilitarian understanding of the past stimulates politically and ideologically motivated usage of history, which is integrated into the space of political culture and nationalistic discourse.

Keywords: Latvia, collective memory, intellectuals, instrumentalization of history, politics, memorial culture, memory wars

Citation: Kirchanov M.V. (2024) Instrumentalization of the Past in Modern Policy of Historical Memory in Latvia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 45–59. DOI: 10.31857/S0869049924050046, EDN: JUTGKS (In Russ.)

В современном мире история постепенно утрачивает функции исключительно академической науки, превращаясь в важный мобилизационный ресурс, активно используемый правящими элитами. Политически и идеологически мотивированное обращение к истории характерно для большинства современных обществ. Исследователи коллективной исторической памяти подчеркивают, что «с древних времен люди прибегали к памяти о прошлом для борьбы с разрушительным течением времени, подтверждая солидарность, основанную на общем происхождении; санкционируя власть; легитимируя стремление к построению нации на основе общего прошлого» [Florescano 2012, 21].

Подобные манипуляции фактами прошлого в научной литературе известны как историческая политика, мемориальная политика или политика памяти. Формы функционирования и развития исторической политики в современном мире различны, но, как правило, это периодическое или эпизодическое использование элитами и разного рода общественными и политическими активистами исторических фактов для решения тех или иных идеологических задач. Фактически речь идет об инструментализации истории, т.е. о ее политическом использовании [Landinez 2022, 31]. Не стала исключением из этой универсальной логики развития современных обществ и Латвийская Республика, которая восстановила свой государственный и политический суверенитет в начале 1990-х гг.

В центре внимания в данном случае – инструментализация истории в современной Латвии как универсальная стратегия решения политических проблем. Такая постановка вопроса предполагает изучение особенностей инструментализации истории политическими элитами; анализ тенденций институционализации исторической политики и ее интеграции в государственный механизм; выявление перспектив и возможных сценариев развития мемориальной культуры как формы исторической памяти, возникающей при активном участии элит в инструментализации истории.

Методология и историография

Методологически исследование основано на достижениях междисциплинарной историографии, сфокусированной на изучении исторической политики [MacMillan 2009]. Предполагается, что историческую политику следует воспринимать как форму многочисленных дискурсивных практик функционирования исторического знания в современном обществе. Вместе с тем тенденция инструментализации истории политическими элитами влечет за собой утрату суверенитета исторической наукой [MacMillan 2008], которая постепенно превращается в один из инструментов решения тех или иных идеологических задач.

Современная политика исторической коллективной памяти, конструируемая элитами и другими агентами мемориальной культуры, стала предметом исследования междисциплинарной историографии [Cubitt 2013], так как современный анализ тактик, практик и стратегий формирования представлений о прошлом невозможен только в рамках исторической науки. Предложено несколько интерпретационных моделей для объяснения как механизмов изменения исторической памяти, так и факторов, на нее влияющих.

Сейчас историческая политика направлена одновременно на достижение двух целей. Политику памяти активно используют для консолидации политической, гражданской, этнической и культурной идентичности, чтобы усилить нацию как воображаемое политическое сообщество [Neustadt, May 1988]. Манипуляции с фактами исторического прошлого имеют исключительно политическое и утилитарное значение: в обществе, где элиты активно проводят подобную политику, могут быть сформированы уникальные изобретенные традиции [Farrell-Banks 2022], связанные с использованием прошлого и исторического опыта в публичном пространстве.

Современные историки вынуждены не только признать наличие тенденций к политизации и идеологизации представлений о прошлом, но и констатировать кризис как исторической науки, так и того академического сообщества, к которому они принадлежат [Karner 2013], что стало следствием политизации и идеологизации исторического знания [Зверев 2020]. Растет понимание того, что историю как науку используют в большей мере не для изучения прошлого, но для оправдания политически и идеологически мотивированной ее эксплуатации [Olick 2016]. История меняет сферы и пространства своего бытования, выходя за рамки академических исследований, внедряясь в публичные практики и манипулятивные стратегии.

Примечательно, что подобные практики и стратегии реализуют не профессиональные историки, а агенты, свободные от ограничений академической этики, что фактически делает инструментализацию истории неизбежной [Chrostowska, Ingram 2017]. Политизацию и идеологизацию коллективных представлений о прошлом стимулируют кризисные тенденции в традициях как формирования, так и ретрансляции представлений о прошлом в современном обществе [Cohen 2009]. История, которая утрачивает академическое измерение, более не нуждается в относительно стабильных аналитических конструкциях. Современное общество потребления воспроизводит исторические нарративы, и «историческое» ассимилируется «нарративным», превращаясь в один из компонентов идентичности.

Не стала исключением из подобной логики и современная Латвийская Республика, политика правящих элит которой изобилует примерами политических манипуляций историей. Следствие этого – формирование уникальной исторической мемориальной культуры – изобретенной традиции, которую активно используют одновременно для актуализации, визуализации и консолидации латвийской политической и гражданской нации как воображаемого сообщества.

Одной из основ предпринятого исследования стали принципы, предложенные в рамках перформативного поворота в современной междисциплинарной историографии, потому что история – важная форма и стратегия самопозиционирования элит и формирования образа власти.

Историческая политика фактически представляет собой общественно санкционированные и относительно одобряемые попытки идеологически и политически мотивированной интерпретации истории [Barash 2016], что содействует формированию, консолидации и развитию идентичностей этнических наций и политических сообществ [Rieff 2017]. Историческая политика в этом случае выступает в роли инструмента, что позволяет исследователям констатировать тенденцию инструментализации истории, в рамках которой последняя постепенно утрачивает атрибуты академического знания, превращаясь в один из компонентов утилитарной политической культуры.

Историческая политика в современной Латвийской Республике

В последние десятилетия для исторической политики в Латвии был характерен целый ряд системных особенностей.

Во-первых, последовательно внедрялось представление о стране как жертве двух авторитарных режимов – советского и немецкого.

Во-вторых, политика памяти в Латвии, в отличие от других стран Центральной и Восточной Европы, не была институционализована, и едва ли не единственной институцией, вовлеченной в формирование мемориальной культуры, оказался Музей оккупации.

В-третьих, значительная роль в проведении исторической политики и формировании мемориальной культуры принадлежит латышскому национализму, что существенно отличает политику памяти Латвии от аналогичных форм политической активности в ЕС и сближает ее с центральноевропейскими и балканскими версиями политически мотивированного пересмотра прошлого.

В-четвертых, политика памяти в Латвии активно использует исторический ресурс путем его мифологизации – как положительной, так и отрицательной. Например, позитивно мифологизирован опыт независимой Первой Республики, в то время как история Латвийской ССР и ее наследие стали объектом негативной мифологизации; советские нарративы востребованы для формирования образов политического и идеологического «Другого», несмотря на то, что СССР не существует в качестве политического субъекта с 1991 г. В этом смысле историческая политика в Латвии не только актуализирует свою зависимость от идеологической конъюнктуры и корпоративной памяти элит, но и фактически направлена на решение задач политической консолидации общества, как в тех странах ЕС, где этнический национализм уступил свои позиции гражданскому.

В-пятых, историческая политика в современной Латвии пребывает в ситуации институциональной неопределенности в отношении акторов, вовлеченных в нее [Кирчанов 2023]. С одной стороны, важные участники политики памяти – политические элиты. Например, президент регулярно в публичных выступлениях актуализирует исторический опыт страны, апеллируя к коллективным мемориальным травмам, связанным с мифологемами, которые включают образ «советской оккупации» и связанные с ней нарративные конструкции. Поэтому историческая политика предстает как форма нарративной активности элит, а используемые в ее рамках конструкции из политических клише мутировали в идеологемы и мифологемы. С другой стороны, Музей оккупации играет свою роль в формировании мемориальной культуры, актуализируя именно опыт коллективной травмы. Музей в большей степени может быть определен в качестве актора второго плана, так как

он не формирует память, а артикулирует и визуализирует видение прошлого, предложенное другими участниками процесса. Вместе с тем акторы, сопоставимые с институтами памяти, например, в Польше или на Украине, в современной Латвии пока отсутствуют, но тенденция к их появлению с 2022 г. стала более заметной.

В-шестых, историческая политика играла до недавнего времени исключительно вспомогательную роль, не имела самостоятельного значения. Поэтому основные дискуссии относительно прошлого протекали в академическом сообществе. В этот процесс была втянута Комиссия историков (И. Фелдманис, А.Странга, И. Бутулис, К. Кангерис, Э. Екобсонс, В. Ноллендорфс, Д. Блейере, У. Нейбургс, М. Вестерманис, А. Зунда, А. Ивановс, В. Щербинскис, М. Минтаурс, А. Лерхис), созданная в 1998 г. Формально действуя в рамках академической историографии, фактически она стала субъектом исторической политики и внесла существенный вклад в формирование, развитие и консолидацию официальной версии мемориальной культуры, содействуя интеграции истории в ряд мобилизационных ресурсов элит. Именно Комиссия создала такую версию прошлого, которую активно продвигали как политические элиты, так и общественные активисты в Латвии.

С 2020-х гг. в мемориальной политике современной Латвии стали заметны новые тенденции, связанные со стремлением политических элит инструментализировать прошлое, чтобы обеспечить им необходимый уровень легитимации. Единая дефиниция инструментализации в историографии отсутствует. Однако она может включать «широко распространенный феномен правительственной коммеморативной политики, предусматривающей создание исторических комиссий и институтов, законодательное регулирование политизированных интерпретаций исторических событий, создание новых музеев национальной травмы, участие в международных конфликтах по поводу интерпретации истории, спонсирование учебников истории для школ, учреждение новых дней национального поминовения» [Gaunt, Lane 2020, 9]. Все эти элементы заметны в латышской исторической политике и формируемой в результате ее проведения мемориальной культуре, что указывает на высокий уровень инструментализации истории.

Комментируя особенности инструментализации истории и ее использования для решения политических и идеологических задач, украинский историк Г.В. Касьянов подчеркивает, что большая склонность к использованию именно таких методов проработки прошлого характерна для стран Восточной Европы¹. Политические процессы начала 2020-х гг., связанные с изменениями на международной арене, и усиление региональных конфликтов привели к осознанию правящими элитами Латвийской Республики той важной роли, которую потенциально может играть история в решении политических задач гетерогенного и фрагментированного по языковому и национальному признаку латвийского общества.

Углубление военно-идеологической конфронтации в мире привело к росту озабоченности относительно возможности использования истории как эффективного символического, мобилизационного и политического ресурса. История оказалась втянута в политику, в идеологические и политические манипуляции. В 2023 г., анализируя актуальное для начала 2020-х гг. использование истории в общественном дискурсе Латвии, автор предположил наличие тенденций одновременно большей инструментализации исторического прошлого и институционализации исторической политики. Этот вывод был основан на очевидных усилиях властей по последовательному демонтажу советского

---

¹ Kasianov G. Questions of the past are heavily instrumentalized. (<https://www.unibas.ch/en/News-Events/News/Uni-People/Questions-of-the-past-are-heavily-instrumentalized.html>).

исторического и культурного наследия, с одной стороны, и инициативах, с которыми в начале 2023 г. выступил президент Латвийской Республики Эгилс Левитс – с другой. Он говорил о необходимости создать специализированный институт исторической памяти, подобный учреждениям, действующим в других странах Центральной и Восточной Европы.

Усиление тенденции инструментализации прошлого политическими элитами свидетельствует об активизации использования истории как важного мобилизационного и легитимационного ресурса.

Инструментализация исторической памяти в современной Латвии

С первой половины 2020-х гг. политические элиты Латвии заметно вовлечены в историческую политику и инструментализацию истории, цель которых – политическая консолидация и мобилизация общества. В марте 2023 г. президент страны Э. Левитс подчеркнул важность коллективной исторической памяти для латвийской государственности и латышской нации, указав, что именно «национальная память не является статичным свидетелем истории, находясь в постоянном диалоге с меняющимся миром»².

С представителями политической элиты солидарно и академическое сообщество. Например, историк М. Минтаурс полагает, что «история – это не математика, и мы вряд ли окажемся в ситуации, когда сможем собрать представителей двух противоположных взглядов за одним столом, а затем дать им возможность или позволить им высказаться, а потом, сложив их взгляды вместе, найти истину, которая теоретически находится где-то посередине... история – это не математика... мы не можем взять сумму сумм и среднее арифметическое, заявив, что оно и есть правда о прошлом»³. Несмотря на скептические настроения среди академических и университетских интеллектуалов относительно использования истории в политике памяти, тенденции к инструментализации прошлого и его использования в качестве символического мобилизационного и легитимационного ресурса в Латвии на протяжении 2023–2024 гг. усилились. Это стало особенно заметно в январе 2023 г., когда было предложено создать новое специализированное учреждение – Латвийский институт исторической памяти и демократического образования (*Latvijas Vēsturiskās atmiņasun demokrātiskās izglītības institūts*). Эту идею, вероятно, следует интерпретировать через призму роста популярности правого популизма в мире. Как указывает каталонский политический эксперт Ж. Вакер, «популисты воспринимают правительство как выражение общей воли, что позволяет им отвергать баланс сил и протиговесы институтов гражданского общества»⁴, создавая свои институты, в большей степени сфокусированные не на развитии концептов «гражданское общество» и «политическая нация», а на манипулировании, в том числе историей. Создание института поддержал президент Латвии⁵, который отметил, что «это может быть

---

² Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runacionaldas-pretosanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretosanas-lidz-brivibai-ka-stastit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

³ Mintauris M. Vēsture nav matemātika un nevaram no summas izvilkēt vidējo aritmētisko. (<https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/monopols/martins-mintauris-vesture-nav-matematika-un-nevaram-no-summas-izv.a189061/>).

⁴ Vaquer J. Nacional-populisme al poder. (<https://revistaidees.cat/nacional-populisme-al-poder-les-consequencies-en-materia-de-drets-fonamentals/>).

⁵ Levits rosina Latvijā veidot jaunu institūciju. (<https://jauns.lv/raksts/zinas/539678-levits-rosina-latvija-veidot-jaunu-instituciju>).

отдельный институт или другое институциональное образование... у нас есть много хороших людей, которые делают это на энтузиазме, но это общенациональная задача... соседние страны уже давно сделали это»⁶.

Озабоченность элит относительно задач инструментализации истории в современной Латвии – следствие роста понимания того факта, что национальное государство постепенно утрачивает черты универсальности, хотя прежде «аксиома государственного суверенитета оказывала столь мощное влияние на воображение XX века, что стала универсальной формой политического порядка. С тех пор чары ослабли: и государство, и нация были демистифицированы и поставлены под сомнение»⁷. В результате элиты были вынуждены активно инструментализировать прошлое, унифицированное и кодифицированное в форме национальной истории, конструирование которой протекало в националистической системе координат.

Первые призывы к созданию Латвийского института исторической памяти и демократического образования прозвучали в апреле 2022 г., появились отклики на них академического и интеллектуального сообществ. Среди первых, кто сформулировал относительно консолидированную точку зрения профессионального исторического сообщества, оказался историк В. Ноллендорфс, который, руководствуясь лозунгом «Истории никогда не бывает слишком много», предложил внести серьезные коррективы в политику, направленную на представленность и визуализацию истории в публичном и общественном пространствах. По его мнению, «латвийское государство не спешит сохранять, беречь и укреплять свою историческую память»⁸. Выполнение этой задачи маловероятно без интеграции истории в манипулятивный аппарат государственной политики, интеграции, которая воспринимается в Латвии как эффективная форма противостояния «внешним вызовам», прежде всего со стороны России.

В марте 2023 г. Э. Левитс констатировал ситуацию войн памяти, подчеркнув, что латышское видение истории в Европе менее заметно, чем российское, так как России, по его мнению, «удалось запечатлеть в памяти Европы искаженные исторические нарративы о Второй мировой войне и победе над нацизмом, а также другие факты, искаженные в свете российской идеологии»⁹. Историческая политика России стимулирует обеспокоенность и даже политические фобии латвийских элит, что вынуждает их предпринимать усилия по дальнейшей инструментализации прошлого.

Инструментализация истории: pro et contra

Тенденции последовательной инструментализации истории и утилитарного восприятия прошлого находят непонимание со стороны отдельных представителей академического сообщества. Например, М. Минтаурс полагает, что «не только часто цитируемые и критикуемые политики, но и достаточно большая часть латвийского общества смотрит

⁶ Patiesības ministrija? (<https://www.lsm.lv/raksts/kultura/kulturtelpa/patiesibas-ministrija-vesturnieku-vidukritize-levita-iniciativu-veidot-latvijas-vesturiskas-atminas-institutu.a492889/>).

⁷ Keating M. Reivindicació de la sobirania. (<https://revistaidees.cat/reivindicacio-de-la-sobirania-estats-nacions-i-autodeterminacio-en-el-context-europeu/>).

⁸ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

⁹ Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runacionalas-pretosanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretosanas-lidz-brivibai-ka-stastit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

на историческую науку как на пособие, собирающее материал главным образом в целях пропаганды... в восприятии общества историк – это человек, у которого можно запросить информацию о том, как все происходило на самом деле в прошлом, и использовать этот материал... никто не может отменить этот подход, но он становится опасным, когда начинает доминировать»¹⁰.

Несколькими годами ранее на опасность такого понимания истории указывали и некоторые американские интеллектуалы, которые подчеркивали, что «в неумелых руках исторические события могут быть использованы для того, чтобы, казалось бы, извлечь уроки и найти решения явно неразрешимых современных проблем. Это – “инструментализация” истории... история может вводить в заблуждение, а ее так называемые “уроки” оказываются контрпродуктивными, если их контекст не понят должным образом»¹¹. Подобные опасения, связанные с последовательной идеологизацией истории современными политическими элитами, как правило, игнорируют, так как курс на инструментализацию прошлого стал общей тенденцией в публичном пространстве. В рамках такой модели инструментализации агенты политики памяти в современной Латвии не оригинальны, так как практикуемый ими подход «заключается в том, чтобы относиться к прошлому как к источнику коллективной национальной идентичности и ценностей, таких как героизм или жертвенность» [Törnquist-Plewa 2020, 17], символический потенциал которых активно используют агенты мемориальной политики.

Несмотря на критику со стороны академического сообщества, агенты мемориальной культуры предлагают проводить политику, направленную на усиление идентичности на основе ценностей «независимости, демократии, латышского языка и принадлежности к европейскому культурному пространству... свободы, равенства, солидарности, справедливости, ответственности перед будущими поколениями и трудовой этики... а также осуждения тоталитарных – коммунистического и нацистского – режимов»¹². Апелляция к Европе как общему культурному пространству не уникальна: аналогичные тенденции ментального самокартирования и отождествления себя с Европой [Geremek 2009], только несколько раньше, отмечались у интеллектуалов из других центрально- и восточноевропейских стран, что нередко сопровождалось ростом гражданского и снижением этнического национализма. При этом формируемая в рамках исторической политики мемориальная культура становилась менее зависимой от идеологических манипуляций, что делало ее не столь подверженной инструментализации. В Латвии этого не произошло, история сохранила свое значение как пространство политической и идеологической конфронтации, превратившись в форму интеллектуальной активности, одинаково подверженную идеологизации и инструментализации.

Латвийскому институту исторической памяти и демократического образования, как подчеркивает В. Ноллендорфс, предстоит «обеспечивать историческую идентичность и целостность нации и государства, что является не только академической задачей, но в значительной степени национальной задачей, тесно связанной со статьями Консти-

¹⁰ Mintauris M. Vēsture tiek pārrakstīta, jo citādi skatāmies uz jau zināmām lietām. ([https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/bribibas-bulvaris/martins-mintauris-vesture-tiek-parrakstita-jo-citadi-skatamies-uz.a174412/](https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/bribibas-bulvaris/martins-mintauris-vesture-tiek-parrakstita-jo-citadi-skatamies-uz-a174412/)).

¹¹ Davies H. The Instrumentalisation of History. (<https://thestrategybridge.org/the-bridge/2014/9/30/the-instrumentalisation-of-history>).

¹² Valsts prezidents rosina veidot Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūtu. (<https://lvportals.lv/dienaskartiba/348113-valsts-prezidents-rosina-veidot-latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-institutu-2023>).

туции и идеями, выраженными в ее преамбуле»¹³. Бремя решения аналогичных задач Э. Левитс в 2023 г. возлагал на «историков, энтузиастов истории и деятелей культуры, которые на протяжении многих лет помогают нашему обществу понять движение национального сопротивления и его значение в нашей государственности»¹⁴, что указывало на склонность элит воспринимать прошлое исключительно утилитарно. Польский историк Т.Т. Концевич предостерегает от «своеобразного (неправильного) понимания политической инструментализации истории», что, по его мнению, служит «важным предостережением против односторонних партийных исторических дебатов, поскольку они влияют на то, как мы помним прошлое и видим себя сегодня»¹⁵. Напротив, в латышской политике памяти принята иная логика: политизация прошлого через инструментализацию истории выступает как путь именно к «правильному» видению истории. Последняя в такой интерпретации бытует почти исключительно в идеологической системе координат, центральным компонентом которой становится не этнический, а политический национализм, основанный на критике коммунизма и отрицании советского наследия как идеологически чуждого.

Латышская мемориальная культура, вероятно, относится к числу тех, где проработка прошлого имеет место, но не содействует преодолению коллективных травм, а наоборот, стимулирует их воспроизводство в памяти¹⁶. В результате история подчинена логике той политической рациональности, которую исповедуют элиты, понимающие, что «история не является чисто субъективным занятием, где все нарративы о прошлом одинаково хороши, что объективность нельзя найти в некритическом принятии приукрашенных образов прошлого. Историки достаточно часто предупреждают политиков, чтобы они были очень осторожны, заявляя об объективности» [Wiersma 2009, 15]. Однако эту мысль игнорируют, особенно если восприятие прошлого в рамках исторической политики подчинено задачам инструментализации истории и ее превращения в политический ресурс.

По мнению Э. Левитса, несмотря на то что «с восстановлением независимости латышский народ восстановил контроль над своим прошлым», а «преступления и несправедливости советской и нацистской оккупации вышли на первый план нового исторического сознания»¹⁷, в Латвии так и не сложилась единая историческая политика. Европейские интеллектуалы указывают на «различие между памятью и историей», а также на связь и различия между историей и политикой, подчеркивая важность «критического самоанализа и мирных дебатов, в равной степени необходимых для историков и политических сообществ» [Hassner 2009, 71].

В современном латышском социуме подобный подход непопулярен, историю воспринимают преимущественно через призму политизированной этничности, что соз-

¹³ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

¹⁴ Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runacionalas-pretošanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretošanas-lidz-brivibai-ka-stastit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

¹⁵ Koncewicz T.T. Remembering as Pacting between Past, Present and Future. (<https://verfassungsblog.de/remembering-as-pacting-between-past-present-and-future/>).

¹⁶ Gutbrod H. Book Review – Constructions and Instrumentalizations of the Past. (<https://www.globalpolicyjournal.com/blog/04/11/2021/book-review-constructions-and-instrumentalizations-past-comparative-study-memory>).

¹⁷ Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runacionalas-pretošanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretošanas-lidz-brivibai-ka-stastit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

дает крайне благоприятные условия для ее инструментализации. Поэтому, по мнению В. Ноллендорфа, необходима направляемая инструментализация исторического знания с использованием достижений «социальной памяти, литературы, устной истории, политологии, культурной антропологии и других дисциплин, которые помогают понять как процессы, создавшие латвийскую нацию и государство, так и те, что были направлены на их уничтожение»¹⁸.

В такой ситуации формировалось обновленное восприятие прошлого как «единой истории нашего сопротивления, нашей стойкой национальной воли, которую мы должны продолжать реализовывать и которую мы должны знать, как рассказать»¹⁹. Фактически речь идет о стремлении элит контролировать не только коллективные представления о прошлом, но и механизмы их функционирования и передачи на уровне общества. В. Ноллендорф указал на ограниченность эффекта, достигнутого Комиссией историков (с чем солидарны и другие авторы²⁰), подчеркнув, что ее выводы в большей степени отражают развитие истории как академической дисциплины и, несмотря на активное распространение ее трудов в учебных заведениях Латвийской Республики, имеют ограниченный эффект на формирование коллективной памяти и исторического самосознания.

Публичная история как форма инструментализации прошлого

Ситуация, которая сложилась с восприятием истории в общественном пространстве, непосредственно связана с попытками ее последовательной инструментализации. Как полагают эксперты, «цель демократического сообщества должна заключаться в том, чтобы обеспечить себе пространство для обсуждения того, как адаптироваться к сложностям, пространство для обсуждения того, какие меры необходимо принять для реагирования»²¹. Однако современные правящие элиты склонны следовать иному подходу, реагируя на внутренние и внешние вызовы с использованием символических ресурсов, создавая новые специализированные институты. Формирование коллективных представлений о прошлом происходит в настоящий момент, что актуализирует интересы различных социальных и политических групп [*Florescano* 2012, 97]. Идеологические предпочтения элит, которые принимают политические решения, определяют мемориальную культуру общества.

По мнению В. Ноллендорфа, история как наука должна занять более заметное положение в обществе, поскольку трансформация академической истории в публичную может способствовать консолидации идентичности и укреплению государственности. На важность именно публичной истории указывал и президент Латвии Э. Левитс, который подчеркивал, что «публичная история основана на академической истории, но это не одно и то же. Нам недостаточно академической истории. Нам необходима передача результатов академической истории через историческую коммуникацию в публичную историю. Публичная

¹⁸ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

¹⁹ Levits E. Ja ir grība, varam atbrīvoties no padomju koloniālās vēstures lūžņiem. (<https://lvportals.lv/viedokli/349950-ja-ir-griba-varam-atbrivoties-no-padomju-kolonialas-vestures-luznjiem-2023>).

²⁰ Levits padzina Vēsturnieku Komisiju, bet tagad, cenšoties krāt punktus palikšanai prezidenta amatā, aicina dibināt jaunu vēstures institūtu. (<https://puaro.lv/politika/levits-padzina-vesturnieku-komisiju-bet-tagad-censoties-krat-punktus-paliksanaiprezidenta-amata-aicina-dibinat-jaunu-vestures-institutu/>).

²¹ Velasco Figueras G. Governar la complexitat: un assaig sobre les democràcies en temps excepcionals. (<https://revistaidees.cat/governar-la-complexitat-un-assaig-sobre-les-democracies-en-temps-excepcionals/>).

история – это разделяемое обществом восприятие истории... Публичная история необходима обществу, чтобы оно могло понять себя, осознать свою идентичность»²².

Трансформация истории в публичную существенным образом влияет на историческую память, содействуя не только ее большей представленности в общественных пространствах, но и фактически позволяет тем, кто «стремится использовать историю, реализовать или навязать свое восприятие правды и истины, свою позицию относительно исторических фактов, свое собственное историческое идеологическое видение»²³, делать это более эффективно. В этом отношении латышские политики и интеллектуалы в сравнении с их балтийскими соседями действуют с явным отставанием. Литовский историк Ч. Лауринавичюс в конце 2000-х гг. указывал на опасность ситуации, когда «предвзятые интерпретации истории вызывают моральный и интеллектуальный дискомфорт, а также усиливают чувство незащищенности. Тем не менее оставлять историю историкам – нереалистичная альтернатива. Невозможно абстрагировать общественную жизнь от истории, как невозможно отнять у общества память. Главный вопрос заключается в следующем: что такое культура памяти и куда она движется?» [Laurinavičius 2009, 124]. Если мемориальная культура сфокусирована на достижении компромисса и формировании консенсусной формы коллективной исторической памяти, то политика и история могут сохранить автономию в общественных пространствах. Если же история подчинена политической логике, то ее инструментализация практически неизбежна.

Комментируя противоречия в исторической политике Латвии в предшествующие годы, В. Ноллендорфс указывает на наличие «спорных исторических тем, которых немало в нашей сложной истории»²⁴. Он, в частности, выделяет проблемы, связанные с Холокостом на территории Латвии. В целом современная историческая политика все в большей степени актуализирует свой практико-ориентированный характер, а история становится все более институционализированной, что стимулируют внешнеполитические опасения правящих элит²⁵.

В этой ситуации власти Латвии начинают имитировать политические практики и стратегии, которые в XX в. активно использовали левые авторитарные режимы. Как подчеркивает А. Сидера Галларт, элиты «знают, как воспользоваться инструментами, предлагаемыми левыми мыслителями, и по-новому интерпретируют теории для защиты антигегемонных, расистских и ультранационалистических позиций. Присвоение определенной риторики и эстетики левых стало оружием, которое позволило крайне правым успешно вести борьбу за культурную гегемонию, особенно среди молодежи и людей, которые чувствуют себя исключенными из системы»²⁶, для которых

²² Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runanacionalas-pretosanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretosanas-lidz-brivibai-ka-stastit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

²³ Tamez Rodríguez Ó. El Uso político y social de la historia. (<https://estudiospoliticos.org/el-uso-politico-y-social-de-la-historia/>).

²⁴ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

²⁵ Valsts prezidenta Edgara Rinkēviča uzruna Komunistiskā genocīda upuru piemiņas dienas pasākumā pie padomju okupācijas upuru piemiņas memoriāla “Vēstures taktila”. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-edgara-rinkevica-uzruna-komunistiska-genocida-upuru-pieminas-dienas-pasakuma-pie-padomju-okupācijas-upuru-pieminas-memoriāla-vestures-taktila>).

²⁶ Sidera Gallart A. Nous uniformes per a velles estratègies. (<https://revistaidees.cat/nous-uniformes-per-a-velles-estrategies/>).

апелляции к истории как символически значимому измерению национальной идентичности особенно важны. Именно поэтому В. Ноллендорфс указывал на необходимость более активно использовать историю для решения политических задач. Именно поэтому, по его мнению, следует создать Латвийский институт исторической памяти и исторического образования, который «будет целенаправленно создавать историю латышского народа и государства на основе исследований историков»²⁷. Таким образом, академическое сообщество фактически становится участником формирования исторической политики.

В. Ноллендорфс перечисляет задачи, которые, по его мнению, следует поставить перед новым институтом. Важнейшие из них он определяет следующим образом: «проводить и поддерживать научные исследования о Латвии как национальном, демократическом и правовом государстве и ее истории с целью создания, поддержания и распространения привлекательных, убедительных, последовательных и свободных от иностранных, враждебных и вводящих в заблуждение нарративов об истории Латвии»²⁸. Президент Латвии Э. Левитс подчеркнул, что «основной целью института будет распространение публичной истории», поскольку следует внести «вклад в демократическое воспитание общества, в формирование гражданского сознания», что требует «создания национально объединяющего пространства памяти»²⁹.

Старые нарративы в ожидании институционализации

Если в предшествующие годы в рамках исторической политики современной Латвии пересмотру подвергались более ранние интерпретации прошлого и мифологемы, призванные консолидировать латвийское общество, то в начале 2020-х гг. стало очевидно, что подобная модель мемориальной культуры недостаточно эффективна в качестве санкционированной государством реакции на альтернативные версии памяти. Именно поэтому был сделан выбор в пользу последовательной инструментализации истории в интересах правящих политических элит, связанных прежде всего с национально ориентированной эмиграцией. Например, бывшие президенты В. Вике-Фрейберга, Э. Левитс и представители интеллектуального сообщества (В. Ноллендорфс) связаны с различными ветвями латышского зарубежья, склонными выстраивать историю в национальной системе координат, сочетая этнический национализм с идеологической критикой коммунизма и советского наследия.

В современной Латвийской Республике заметна тенденция прямого вмешательства представителей политического класса в формирование исторических мифологем. Происходит постепенная интеграция исторического знания в идеологический дискурс в качестве одного из элементов современной политической культуры. В этой ситуации интеллектуалы и профессиональные историки, которые ранее определяли основные векторы и стратегии функционирования исторической памяти и мемориальной культуры, оказались на второстепенных ролях.

---

²⁷ Nollendorfs V. Latvijas vēsturiskās atmiņas un demokrātiskās izglītības institūts: ideja un vajadzība. (<https://okupacijasmuzejs.lv/lv/aktualitates/latvijas-vesturiskas-atminas-un-demokratiskas-izglitibas-instituts-ideja-un-vajadziba>).

²⁸ Ibid.

²⁹ Levits E. No pretošanās līdz brīvībai. (<https://www.president.lv/lv/jaunums/valsts-prezidenta-egila-levita-runa-nacionalas-pretosanas-kustibas-pieminas-dienai-veltitaja-konference-no-pretosanas-lidz-brivibai-ka-stastit-latvijas-valstiskuma-vesturi>).

Несмотря на социально-культурную мутацию восприятия истории, в современной Латвии неизменны основные нарративы, призванные описывать формы исторической памяти. В качестве основы, системообразующего фактора исторической политики, как и ранее, выступает национализм, подчеркивающий особенности этнического миропонимания. Однако если прежде историческая политика воспринималась как один из символических ресурсов политической культуры и идентичности, обеспечивающих национальную мобилизацию и легитимацию, то в последние годы наиболее актуальной формой проработки прошлого стала явная инструментализация истории, ее зависимость от воли правящих элит.

Нарративные конструкции типа «советская оккупация» и «советский авторитаризм» способствуют виктимизации Латвии как государства-жертвы внешних сил. Несмотря на неизменность основных тем исторической политики, трансформируются ее структура и форма в направлении большей инструментализации истории. Если прежде для мемориальной культуры было характерно противостояние концептов этнического и гражданского национализма, то в последние годы более заметна тенденция консолидации основных идеологем политики памяти.

Подводя итоги, следует обратить внимание на ряд факторов, которые существенным образом влияют на историческую политику в Латвии.

Основная тенденция развития исторической политики – инструментализация исторической памяти путем ее непосредственного подчинения тем целям, которые стоят перед современными правящими политическими элитами Латвийской Республики. Однако как таковое содержание политики памяти остается неизменным, что порождает своего рода мемориальную конфронтацию, представленную не только «войной памятьей», но и «войной памятников». К 2023 г. последствия такой исторической политики стали особенно заметны в публичном пространстве: усилия, направленные на демонтаж советского монументального культурного наследия, привели к ликвидации не только его, но и тех монументальных форм, которые в большей или меньшей степени соотносились именно с латышской национальной идентичностью и исторической памятью.

Историческая политика в современной Латвии пребывает в состоянии институционального оформления. К настоящему времени правящий класс осознал, что история слишком важна, чтобы оставлять ее на откуп профессиональным историкам, имея в виду ее значение как политического и идеологического инструмента мобилизации масс и легитимации существующего политического режима. Со своей стороны историки признают, что политика крайне важна для истории, поскольку именно от воли и расположения политических элит зависит то, как будет развиваться академическая историческая наука, поставляющая кадры для проведения исторической политики и формирования мемориальной культуры. В результате между академическим историческим сообществом и политическими элитами возникли отношения взаимозависимости и идеологического и политического симбиоза, которые в условиях институционализации политики памяти будут определять основные векторы развития мемориальной культуры в Латвии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Зверев К. (2020) Государственная историческая политика в современной Латвии // Проблемы национальной стратегии. № 1. С. 163–177.
- Zverev K. (2020) State historical policy in modern Latvia. *Problemy natsionalnoi strategii*, no. 1, pp. 163–177. (In Russ.)
- Кирчанов М.В. (2023) Историческая политика и мемориальная культура в Латвии в начале 2020-х гг. // Общественные науки и современность. № 3. С. 94–108.
<https://doi.org/10.31857/S0869049923030073>
- Kirchanov M.V. (2023) Historical politics and memorial culture in Latvia in the early 2020s. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 94–108. <https://doi.org/10.31857/S0869049923030073> (In Russ.)
- Barash J.A. (2016) *Collective Memory and the Historical Past*. Chicago: University of Chicago Press. 280 p.
- Chrostowska S.D., Ingram J. (2017) eds. *Political Uses of Utopia: New Marxist, Anarchist, and Radical Democratic Perspectives*. N.Y.: Columbia University Press. 376 p.
- Cohen G. (2009) ed. *Political Uses of Memory*. London: Rivers Oram Press. 128 p.
- Cubitt G. (2013) *History and Memory*. Manchester: Manchester University Press. 273 p.
- Farrell-Banks D. (2022) *Affect and Belonging in Political Uses of the Past*. London–N.Y.: Routledge. 190 p.
- Florescano E. (2012) *La función social de la Historia*. México: FCE.
- Gaunt D., Lane T. (2020) Introduction. *Constructions and Instrumentalization of the Past* / Ekman J., Gaunt D., Lane T., Törnquist-Plewa B. (2020) eds. *Constructions and Instrumentalization of the Past. A Comparative Study on Memory Management in the Region*. Södertörn: Centre for Baltic and East European Studies – Södertörn University, pp. 9–14.
- Geremek B. (2009) *Common Memory and European Identity* / H. Swoboda, J.M. Wiersma (2009) eds. *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*. Wien: Renner Institut, pp. 31–42.
- Hassner P. (2009) *Beyond History and Politics. The Need for Conceptual and Ethical Dialogue* / H. Swoboda, J.M. Wiersma (2009) eds. *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*. Wien: Renner Institut, pp. 71–80.
- Karner Ch. (2013) *The Use and Abuse of Memory: Interpreting World War II in Contemporary European Politics*. London–N.Y.: Routledge. 290 p.
- Landinez D. (2022) *El uso político de la historia. Una aproximación al discurso de la Revolución mexicana*. *Polisemia*, vol. 18, no. 34, pp. 30–47.
- Laurinavičius Č. (2009) *The Interpretation of the Soviet Union's History: The Baltic Dimension* / H. Swoboda, J.M. Wiersma (2009) eds. *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*. Wien: Renner Institut, pp. 121–127.
- MacMillan M. (2008) *The Uses and Abuses of History*. London: Viking. 208 p.
- MacMillan M. (2009) *Dangerous Games: The Uses and Abuses of History*. N.Y.: Modern Library. 208 p.
- Neustadt R.E., May E.R. (1988) *Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers*. N.Y.: Free Press. 352 p.
- Olick J.K. (2016) *The Sins of the Fathers: Germany, Memory, Method*. Chicago: University of Chicago Press. 496 p.
- Rieff D. (2017) *In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies*. New Haven: Yale University Press. 160 p.
- Törnquist-Plewa B. (2020) *Background. Eastern and Central Europe as a Region of Memory. Some Common Traits* / Ekman J., Gaunt D., Lane T., Törnquist-Plewa B. (2020) eds. *Constructions and Instru-*

mentalization of the Past. A Comparative Study on Memory Management in the Region. Södertörn: Centre for Baltic and East European Studies – Södertörn University, pp. 15–22.

Wiersma J.M. (2009) *Politics of the Past: The Use and Abuse of History* / H. Swoboda, J.M. Wiersma (2009) eds. *Politics of the Past: The Use and Abuse of History.* Wien: Renner Institut, pp. 15–28.

Информация об авторе

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета, Воронежский государственный университет. Адрес: 394000, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1. E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

About the author

Maksym V. Kirchanoff, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Associate Professor, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University. Address: Universitetskaya sq., 1, Voronezh, 394000, Russia. E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 09.04.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 26.04.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 06.06.2024